

инского. Наблюдается наличие нескольких формальных вариантов слова: *калитка*, *прикалиток*, *колюток*, *калюпка*, *закалитка*, *закайтка*, *закайток*. *Закалитка* 'маленькая комнатка, угол в избе': ... пьнаделыли зькалитък, нейди пьвярнуцца (Смоленск. словарь 4, 70); *закайтка*, *закайток* 'закуток, небольшая боковая комната' (Смоленск. словарь 4, 71).

Вариантность слова говорит о том, что его история не является простой и прямолинейной и что при этимологизации слова нельзя исходить из литературного *калитка* без учета форм и значений диалектных слов. Исконное происхождение слова *калитка* (производность от **kolo* или **kolъ*) представляется маловероятным. Этому противоречит как время появления слова (XVII в.), его география (среднерусские и южнорусские говоры), форма (колебания *j/l*, *i/ju*), так и то, что оно вытеснило уже существовавшее древнее слово **vortьsa*, обозначавшее ту же реалию. Есть все основания предположить заимствование, может быть, из тюркских языков. Процесс активной адаптации слова привел к тому, что оно приняло совершенно славянский облик.

Рассмотренные выше слова (*басаргá*, *бечевá*, *ютить* и *калитка*) различны с точки зрения их этимологической интерпретации. Первое не встречается в этимологических словарях, второе рассматривалось частью исследователей как тюркизм, но это мнение не было принято в литературе, последние два слова всегда рассматривались как исконные. Несмотря на то, что данные слова принадлежат к разным группам лексики, у них имеются и общие черты: они встречаются широко в русском языке, тяготея к южным и юго-восточным говорам, они имеют варианты, по своим фонетическим признакам делающие сомнительным славянское происхождение. Следовательно, должна быть проведена проверка на возможность заимствования. Непосредственный тюркский источник мы указать не можем, поэтому данные слова должны быть включены в разряд потенциальных тюркизмов.

Примечания

¹ *Откупщиков Ю. В.* К истокам слова. Изд. 3-е. М., 1986, 106.

² *Баскаков Н. А.* Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979, 43.

³ Там же, 124.

⁴ Общетюркское *öj* 'дом' в диалектном татарском представлено как *й* (см. Севортян I, 513), общетюркское *ot* 'трава' отражено в архаическом татарском как *ut* (Севортян I, 481), ср. диал. (рязанское) *поютить* 'скормить скоту'.

В. Н. Топоров

К ПРОИСХОЖДЕНИЮ *САНДУЙ*

Это название, отмеченное в старых, «допетербургского» времени, документах и остающееся по сей день не объясненным, отсылает к целому ряду лингвистических проблем, связанных с тер-

риторией, на которой возник Петербург. Возникает вопрос о том, каким образом сам язык «описывает» эту территорию, т. е. какие семантические признаки он выделяет в качестве мотивировок названий тех или иных объектов — природных и культурных — на данной территории и как он кодирует эти признаки. Следовательно, в своей основе этот вопрос относится к топономастической сфере. Но последняя предопределяется не только внелингвистическими реалиями, в данном случае местными объектами, взятыми с точки зрения их признаков, признаваемых существенными, но и безусловно лингвистической сферой апеллятивной лексики, используемой в топономастике. Для разных территорий и разных языковых традиций оба эти отношения (внелингвистические реалии («денотаты»): топономастика и апеллятивная сфера: топономастическая сфера) трактуются очень по-разному, и эти специфические различия должны непременно учитываться как при топономастическом описании конкретной территории, так и при описании ономастических принципов данной языковой традиции.

В рассматриваемом здесь случае (при широком охвате — весь бассейн Невы и даже смежные с ним ареалы, уже — территория, на которой возник Петербург и ближайшие окрестности), если говорить в о б щ е м и не придавать особого значения исключениям, наблюдается весьма высокая степень зависимости топономастического слоя от соответствующих денотатов (предопределяющих семантику этого слоя) и от соответствующих апеллятивов (влияющих на состав лексем, используемых в топонимии). Следовательно, в этом случае денотат и апеллятив довольно жестко детерминируют структуру топонима, которая чаще всего относительно легко и даже в значительной степени автоматически выводится из обуславливающих ее факторов. При взгляде на ту же ситуацию, но с несколько иной стороны можно сказать, что в топониме довольно полно и незамутненно отражаются соответствующие денотат и апеллятив, что — при другой задаче и другом подходе — позволяет в высокой мере адекватно реконструировать по топонимическим данным «физическую» характеристику этой территории и соответствующие фрагменты лексики используемого языка (или языков). Применительно к данному состоянию этой территории и бытующих на ней языков (русский, прибалтийско-финские) эта задача тривиальна и, как правило, лучше и полнее решается при непосредственном обращении к физико-географическим характеристикам или языковым данным. Однако, когда речь идет о далеком прошлом этой территории и языковой ситуации, привязанной к ней, результаты такой реконструкции могут оказаться весьма нетривиальными. Во всяком случае топонимические данные нередко фиксируют более древнюю стадию, чем современные физико-географические и языковые («апеллятивные») факты.

Указанная территория, тем не менее, в целом может быть охарактеризована как обладающая невысокой степенью топономастичности (или топономастической специфики), определяемой

величиной отклонения («оригинальности») топономастического от сферы денотатов и сферы апеллятивов¹, независимости от них (о некоторых причинах такого положения см. ниже). Такая ситуация обычно свидетельствует о сокращении сферы этимологического исследования. В самом деле, смысл названия (значение—сигнификат) оказывается ясным, поскольку он довольно прозрачно соотнесен с главной физической характеристикой денотата; форма названия в значительной степени predetermined структурой соответствующего апеллятива, принадлежащего живому языку. Этимологические загадки, связанные с топонимическими элементами, как бы сводятся к минимуму: этимологии здесь почти нечего делать или, точнее, этимологическое в таких случаях «передается» из сферы топонимического в сферу апеллятивного. Разумеется, и эта ситуация малой эффективности этимологического исследования, когда этимология большого количества топонимов прозрачна и каждый носитель языка как бы приравнивается в своих лингвистических познаниях к профессиональному этимологу, представляет собой значительный теоретический интерес с точки зрения как этимологии, так и топономастики (некий «минимальный» или стремящийся к минимуму предел «этимологического» и «топономастического»).

Но при регулярности и стандартности очень значительного количества местных названий (особенно в микротопонимии) низкий уровень «топономастичности» этого массива данных в значительной степени компенсируется включением в него также большого количества более старых чужезычных элементов, «непонятных» носителям «регулярных» названий и наоборот, во-первых, и относительно быстрым (во всяком случае в масштабах геологического времени) изменением физических реалий, нуждающихся в назывании, во-вторых (понятно, что и то и другое нарушает однородность, стандартность) легкую — иногда даже автоматическую — сводимость или соотнесенность топонима, внеязыкового денотата и апеллятива; эти нарушения связаны с увеличением уровня языковой неясности и, следовательно, становятся наиболее подходящим материалом для этимологического исследования). Первое обстоятельство естественно связывается со сложной и многокомпонентной этнолингвистической историей всего этого ареала (его принято называть Озерным краем, объединяя под этим названием Ленинградскую, Новгородскую, Псковскую области и значительную часть Карелии)², начинающейся, видимо, с V тысячелетия до нашей эры, когда здесь уже обнаруживаются следы неолитических насельников, и имеющей в дальнейшем дело с «саамиобразными», различными прибалтийско-финскими, русскими, германскими (немецкой, шведской), на юге края балтийскими элементами. Второе обстоятельство, связанное с быстрым (в частности, и на глазах происходящим) изменением физико-географической картины в рассматриваемом ареале, приводящим к исчезновению прежних и появлению новых объектов (рек, озер, островов, отмелей, болот, уступов, холмов

и т. п.) или к изменению топонимического класса данного объекта (озеро → река, отмель → остров и т. п.) или к количественным изменениям (один остров → несколько островов и наоборот и т. п.), т. е. к ситуации, когда разрывается «естественная» связь с физическими признаками, легшими в основу наименования, нуждается хотя бы в самом кратком разъяснении.

Дело в том, что весь Озерный район и особенно пространство между Ладожским озером и Финским заливом, по течению Невы, принадлежат к числу зон, характеризующихся и с к л ю ч и т е л ь н о й динамикой изменений в геологических (соответственно и климатических) условиях; при этом не раз эти изменения носили характер катаклизмов. Не говоря о доледниковом и ледниковом периодах, оставивших свои следы в физико-географической картине этих мест, уместно ограничиться геологической историей последнего периода протяженностью приблизительно в 12 000 лет. В течение этого периода для этой зоны констатируется целый ряд существенных тектонических повышений, понижений и сдвигов пластов земной коры, образование новых крупных водных бассейнов типа морей или огромных озер (Иольдиево, Древне-Балтийское, Анцилово, Литторниное), то пресноводных, то соленых, прорывы вод то к востоку в сторону современного Ладожского озера, то к западу в сторону Балтийского моря, разрывы связей между Ладогой и Балтикой и т. п. Каждое из этих изменений оставляло свои следы в геологической структуре этой территории. Некоторые из них отчетливо видны в современных ландшафтах этого ареала и соответствующим образом обозначаются в языке, в частности, в виде топонимов, которые тем самым становятся языковым свидетельством геологических преобразований. Однако среди всех этих изменений наиболее важным с точки зрения современного рельефа этой местности был последний прорыв вод Ладожского озера в более низко лежащий водоем к западу. В результате этого прорыва образовалась «пра-Нева», имевшая вид широкой протоки шириной от 8 до 20 км (место прорыва — Ивановские пороги, Пелла — до сих пор отмеченный участок русла Невы; сама же долина реки весьма широка — 30—50 км — и довольно глубока — 50—100 м). Это событие произошло, согласно одной точке зрения, 4000 лет тому назад, согласно другой, — 2500 лет назад³. И в том и в другом случае это произошло уже н а г л а з а х и с т о р и и, и древнее население этих мест было непосредственным с в и д е т е л е м совершившегося катаклизма. Это стало ясно с конца 70-ых годов прошлого века, когда при прокладке Ладожского канала А. А. Иностранцев обнаружил здесь следы неолитического человека (каменные топоры и молотки, домашняя утварь, человеческие черепа и т. п.), по м е н ь ш е й м е р е современному образованию «пра-Невы». Дальнейший прогресс археологических исследований неолитических культур в этом районе и уточнение хронологии геологических процессов сделали бесспорным заключение о том, что человек появился в этих местах, несомненно, р а н ь ш е, чем

возникла «пра-Нева». Тем более бесспорно, что он был свидетелем и дальнейших изменений, происходивших с «пра-Невой» и — позже — Невой и ее дельтой. Эти изменения были и очень значительны (широкий пролив, кратчайшим образом соединявший два огромных водоема, превратился в результате поднятия суши в реку, делающую большую петлю к югу и при общей своей малой извилистости имеющую все-таки три крутых поворота в своем течении), и очень скоротечны. Эти особенности не могли не фиксироваться в течение жизни каждого поколения людей, а накапливающиеся впечатления не могли не сложиться в устойчивый образ всего этого места и прежде всего Невы (можно напомнить, что Нева в очертаниях близких к современным сложилась не ранее начала нашей эры, а, возможно, и позже; дельта же продолжала существенно видоизменяться в течение всего II тысячелетия нашей эры, пока в последние три века — и чем далее, тем более — антропогенные факторы не начали перекрывать результаты природных преобразований). Живучесть подобных образов и способность их к отражению весьма удаленных во времени событий не должна вызывать удивления, особенно после целой серии работ этнографов, фольклористов и историков, специально посвященных вопросу «предельной» исторической памяти в ее временном измерении у бесписьменных народов. Уже в силу этого можно более оптимистически подходить к сохранившимся «образами места» (*imago loci*), бытующим на рассматриваемой здесь территории, и связывать с их исследованием надежды на более достоверные результаты. При этом, однако, недопустимо игнорировать и более поздние (так сказать, вторичные, третичные и т. п.) импульсы, которые могут не только поддерживать идею, смысл старого образа, но и даже перекрывать старые мотивировки, беря эту задачу на себя.

В контексте вышесказанного представление о Петербурге как городе над бездной, городе-бездне⁴, которому суждено быть поглощенными водами, столь блистательно и настойчиво развиваемое в эсхатологической версии «Петербургского» мифа (от Пушкина до Андрея Белого), почти несомненно имеет не только литературное, но и более раннее фольклорное происхождение. «Быть пусту месту сему» — таков постоянный мотив (и вместе с тем крик души) неприятия города, отказа от него и при Петре I и позже, насколько можно судить об отношении к Петербургу в «низовой» традиции, судя по разрозненным свидетельствам современников. Для носителей этой традиции и город не был городом (ненастоящий, поддельный, не такой), и имени у него не было, потому что чужое и чуждое имя — не то имя, в котором важен свой смысл и свой звук⁵. Топонимастическая (в частности, и в ее этимологическом ракурсе) проблема в связи с городом всегда оставалась животрепещущей для его жителей, по крайней мере для тех слоев населения, которые были разведены по разным полюсам социальной структуры⁶. Тем самым и в этом случае обозначающее имя и обозначаемая им вещь (город) актуализируют свою связь в народном сознании.

Аналогичная ситуация возникает и в связи с названием Невы. Во всяком случае наблюдается известное соответствие между «молодостью» Невы, тем, что она «гидро-новация»⁷, и особенностями ее восприятия в представлениях о ней и, главное, в языке. Под определенным углом зрения Нева тоже не вполне река. Во всяком случае она нередко напоминает о своем предыдущем («неречном») состоянии. Во время наводнений река начинает течь вспять⁸; ее русло исчезает, образуя огромное водное пространство, сплошь продолжающее к востоку Финский залив и восстанавливающее береговую линию Балтийского ледникового озера; бурный характер водной поверхности на этом пространстве также не речного характера: значительнейшая часть города (весь его центр, в частности) оказывается затопленной. Но и в обычное спокойное время Нева поражает некоторыми необычными для реки соотношениями. При очень малой длине она очень широка (преобладающая ширина — 400—600 м., но в максимуме еще больше — 1000—1250 м, причем эта самая широкая часть приходится на исток реки, который гораздо шире, чем устье в его преддельтовой части) и для реки очень глубока (преобладающая глубина 8—11 м, максимальная — 24 м). Для жителей невских берегов бросается в глаза необычная для рек исключительно высокая степень зарегулированности водного, термического, химического режимов, как бы сводящей на нет самостоятельность реки⁹. «Все, что происходит на Неве, есть отражение тех сложных природных процессов, которые протекают на обширных пространствах бассейна, но, прежде всего, в Ладожском озере и Финском заливе»¹⁰. Ключевая река бассейна оказывается не определяющей, а определяемой. Некоторые гидрографические данные (в том числе и относящиеся к прошлому) еще более способствуют сложению представления о Неве как о «парадоксальной» реке¹¹.

Этой парадоксальностью в известной степени соответствует и о н о м а т и ч е с к а я история Невы. Не раз уже обращалось внимание, что в подробном и четком описании водного пути «из варяг в греки» в Начальной русской летописи нет упоминания реки Невы, но указывается *великое озеро Нево* (Ладожское озеро) и что *того озеро вышло въ устье моря Варяжьскаго*. Иногда в этом сообщении видят «отголосок старинных уже и для эпохи Нестора преданий». Однако можно думать в этом случае о двойственной ситуации, уточняемой в зависимости от позиции наблюдателя во временном ряду. С точки зрения б у д у щ е г о этого ареала Нева, несомненно, уже была, но она была значительно шире теперешней и более кратким образом соединяла Ладогу с Балтикой; более того, она была недостаточно отдифференцирована от Ладожского озера, особенно его восточной части. С точки зрения п р о ш л о г о начало II тысячелетия нашей эры могло рассматриваться еще как п о с л е д н и й этап существования т о г о у с т ь я Ладожского озера в виде большого и длинного языка, которое вытянулось вплоть до Финского залива. С этой последней точки зрения становятся ясными многие факты и среди них остаток ука-

занного «языка» в виде Шлиссельбургской губы на юго-западе Ладожского озера и максимальная ширина Невы в ее истоке. Не менее важно, что и по языковым данным наблюдается недостаточная отдифференцированность названий озера и реки. Как известно, истари оба эти объекта воспринимались как некое единство и носили о д н о имя — или от корня *Ald-* (*Aldea, Aldesk, Aldagen, Aldoga*), или от корня *Nev-*. Достоверные примеры раздельного называния реки и озера начинаются с XIII в., в частности, тогда, когда появляются первые примеры обозначения самой реки как *Нева* в русских документах¹². Но и эти раздельные наименования сначала различаются лишь морфологически или словообразовательно, ср. рус. *Нева* — *Нево*, финск. *Nevajoki* — *Nevajärvi* (ср. совр. *Neva* — *Laatokka*). Едва ли имеют серьезные основания попытки увидеть в рус. *Нева* отражение — в конечном счете — и.-е. **neŭ-ā* ‘новая’ (тем не менее, характерна описка: . . . и *вѣтчеть в озеро великое Н о в о*. Лавр., 3 л. — при *Нево*, *Невъ* в других списках). Финское влияние в данном случае очевидно, и речь идет, конечно, о заимствовании, в основе которого лежит апеллятив финск. *neva* ‘трясина’, ‘топь’, ‘болото’¹³. Но это слово любопытно в двух отношениях. Во-первых, судя по всему, как название оно впервые могло быть применимо скорее к озеру (ср. швед. *träsk* ‘озеро’, но и ‘болото’), чем к реке (или даже к тому низменному и, вероятно, сильно заболоченному ареалу, через который воды Ладоги прорвались на запад; заболоченные почвы с избытком влаги возникали и по обоим берегам Невы по мере того, как широкая протока сужалась до реки в ее современном виде или близком к нему). Во-вторых, это название оказалось одним из источников для шведского названия Невы *Ny*, т. е. ‘Новая’ (ср. ср.-н.-нем. *Ny*), как, видимо, была переосмыслена финская форма *Neva* (*joki*). Поскольку же проникновение шведов по сю сторону Балтийского моря началось достаточно рано, и уже в VII—VIII вв. н. э. они господствовали здесь и, следовательно, застали существенно более древнюю ситуацию¹⁴, очень вероятно, что обозначение реки по принципу ‘новая’ было вызвано не только внешним сходством финск. *neva* с швед. *ny*, но и п а м я т ь ю о действительно недавнем (н о в о м) происхождении реки. В этом отношении явно вторичные шведские данные могли, тем не менее, актуализировать некую исходную семантическую тему, которая в первичных источниках могла оказаться вообще не выраженной на языковом уровне. Наконец, шведское название Невы особенно информативно в силу его независимости от обозначений Ладожского озера (ср. *Hvita träsket*, букв. — ‘Белое озеро’, шведских летописей или совр. швед. *Ladoga sjön*).

И еще одно наблюдение в связи с проблемой топонимизации рассматриваемого ареала, предполагающее учет двух аспектов этой проблемы — к о л и ч е с т в е н н ы й «захват» реально топонимизируемого материала в соотношении с нетопонимизируемыми объектами и к а ч е с т в е н н ы й уровень, т. е. степень топо-

нимизации (см. выше), выявляющая характер зависимости топонимов от апеллятивов. Специфика этого ареала определяется резким контрастом между огромным количеством подлежащих именованию местных объектов и очень редкой заселенностью соответствующей территории (особенно в прошлом, даже относительно недавнем). Эта ситуация естественно объясняет, почему многие части этой территории оказались недоступными, фактически неизвестными или, по меньшей мере, не представляющими практического интереса для местных жителей и, следовательно, топонимически не освоенными. Понятно, что в таких условиях многое вообще не называлось (нетопонимизированные объекты) или называлось по случаю, *ad hoc*, для разового использования и не было рассчитано на запоминание (впрочем, не могли не забываться и некоторые более органичные и прочные названия, если только не была обеспечена надежная передача от поколения к поколению топонимического «фонда» и правил его привязки к конкретной местности). Одним словом, население этих мест не было подготовлено к достаточно полной топонимизации пространства как обитаемого, так и необитаемого, но известного ему, да, видимо, и не видело в этом необходимости. Средства для ономастической деятельности в сравнении с огромностью (степень детализации) сферы, подлежащей именованию, оказывались слишком слабыми. Определенные ограничения на эту деятельность накладывало и редкое однообразие местности и, видимо, довольно узкий топонимический кругозор населения каждого данного места. В этих условиях вступал в силу принцип своеобразной экономии усилий, вынуждавший, во-первых, делать строгий выбор среди объектов, подлежащих именованию, и, во-вторых, придавать этому именованию, так сказать, не самостоятельное, а подсобное, сугубо практическое и временное значение (при этом, естественно, не предполагалось, что эти «условные» названия, связывающиеся конвенцией лишь узкий круг потребителей, будут иметь хождение и вне этого круга). Именно поэтому старые документы (что более или менее естественно), и данные современных полевых исследований свидетельствуют, что многие объекты, по сути дела, не названы; что другие (и тоже многие) воспринимаются как неназванные (ср. частые названия типа *Безымянный ручей*, *Безымянное болото*, *Безымянный остров*, *Безымянная отмель* и т. п.)¹⁵; что третьи «названы» весьма условно — через соответствующий апеллятив, обозначающий класс данного объекта (*Речка* ← *речка*, *Болото* ← *болото*, *Мох* ← *мох*, *Остров* ← *остров* и т. п.), или через расширение апеллятива стандартным для данной ситуации определением (*Черная речка*, *Белое озеро*, *Песчаная отмель [остров]*, *Гнилой проток* и т. п.)¹⁶. «Объектное» однообразие ареала получает соответствие в виде очень однообразного топонимического словаря этого ареала, благодаря чему степень «угадываемости» названия данного объекта оказывается иногда очень большой — достаточно назвать апеллятив, обозначающий физическую характеристику объекта, его «топонимический» класс (речка, болото, лес, остров

и т. п.). Однообразие топонимического словаря определяет такую высокую (иногда — исключительную) степень повторяемости одних и тех же названий, что единственным способом поддержания хотя бы минимальной степени информативности, «различительности» этих названий является «парцелляция» ареала на большое количество топонимических «микрорландшафтов», номенклатурно повторяющих друг друга, но внутри себя (каждого из «микрорландшафтов») сводящих повторение к минимуму и обеспечивающих тем самым каждому названию его «оригинальность» и общезначимость (хотя бы только в пределах данного узкого коллектива). Отсюда — существенный практический вывод: когда исследователь, исходящий из некоего принимаемого за центр пункта изучаемой им территории и установивший в целом ее топонимический состав, начинает сталкиваться с повторяющимися названиями, сами эти повторения могут сигнализировать переход из данного «микрорландшафта» в другой¹⁷.

Все до сих пор сказанное образует тот широкий и общий контекст, в котором только и может быть понято загадочное название *Сандуй*. Оно дважды встречается в «Переписной окладной книге Вотской пятины» 1500 г., важнейшем источнике по предыстории Петербурга¹⁸, отражающем ситуацию в конце XV в., т. е. 500 лет тому назад. Ср.: *Сельцо на усть Охты на Невѣ. Сменко, да Федко Офонасовы, Ивашко да Родионко Демеховы, Федко Дмитров, сын его Ондриянко, Смен Васильев; съют ржи двѣнадцать коробей, а сѣна косят на море на острову на Сундую двѣсте копен, четыре обжи. . .*, 120; — *Да угодей у той волости, да в рѣцѣ в Невѣ тони под деревнею, под Нижним Двором тоня, берег по половинам с намѣсничу крестьяны Фомина острова, да усть Тохты тоня вопче с городчаны с Орѣховцы Тимофеевски Грузова два жеребья, а городчанам треть в той тони. Да тое ж волости пожня на морѣ, на островѣ Сандую, а косят ее всюю волостью, а ставится на ней сто копен сѣна*, 121¹⁹. Видимо, правильной нужно считать форму *Сандуй* (а не *Сундуй*, где первое *у* скорее всего результат антиципации гласной следующего слога или даже следующих двух слогов (-ую) или же инерции -у в *на острову*; во всяком случае ср.: *на острову на Сундую*, но: *на островѣ Сандую*; есть и некоторые другие аргументы в пользу формы *Сандуй*, о чем см. далее).

Сандуй, как следует из текста, был островом «на море», где сеяли рожь и заготавливали сено. Он находился в Спасском Городенском погосте, что явствует из самой «Переписной книги» и из всего контекста, в который включен *Сандуй*. Этот погост занимал земли к северу от правого берега Малой Невы и включал в себя Фомин остров (т. е. будущую Петербургскую сторону) и Охту; с левобережья Малой Невы начинался Ижорский погост, а побережье Финского залива к северу от устья Невы принадлежало уже Карбосельскому погосту. Эти уточнения существенны, поскольку они исключают поиски *Сандуя* в самом Финском заливе, т. е. в море²⁰. Этому в море в «Переписной книге»

противопоставлено «н а море», что следует понимать не иначе как о б р а щ е н н о с т ь к морю, повернутость к нему своей западной частью. В этом отношении показательно, что Фомин остров и село на нем обозначаются иначе — «на Неве у м о р я» (117). Уже это сравнение выражений, обозначающих разную ориентацию и разное положение относительно моря, позволяет заключить, что Сандуй был з а п а д н е е Фомина острова, во-первых, и был обращен своей западной стороной к морю, во-вторых. Из последнего заключения следует, что в этой части дельты Невы Сандуй был самым западным, т. е. наиболее выдвинутым в море островом. И вообще из двух контекстов, в которых появляется Сандуй, вытекает последовательность: устье Охты (*Сельцо на уст Охты на Невѣ; усть Тохты*) — Фомин остров — Сандуй. А эта последовательность неизбежно приводит к заключению, что Сандуй находился на пути по Неве от устья Охты, затем по Большой Невке мимо Фомина острова, остающегося слева, и до того места, где от Большой Невки отходит Малая Невка. Иначе говоря, наиболее восточным и наиболее западным одновременно из возможных местоположений Сандуя нужно считать своего рода трехчленный «архипелаг» — Каменный, Елагин, Крестовский²¹ — или, точнее, некое ядро на этой территории, которое в конце XV в. представляло собой единый остров. Никакого другого «кандидата» на то, чтобы быть Сандуем, по сути дела, нет²². Очень показательно, что из всех островов Невской дельты указываются для конца XV в. только три острова — Васильев, Фомин и Сандуй (при том, что «Переписная книга» фиксирует самые крошечные селения и даже «мхи», если они сдавались под охоту и приносили доход)²³. Два первых самые известные и самые крупные острова, составляющие особые части города. Очень вероятно, что и Сандуй, хотя бы по своей площади, как-то подверстался к этим двум островам. Разумеется, в хозяйственном плане и вообще в отношении освоенности Сандуй сильно уступал им, но вместе с тем он, видимо, значительно превосходил другие острова дельты, никак не упоминаемые в источнике 1500 г.

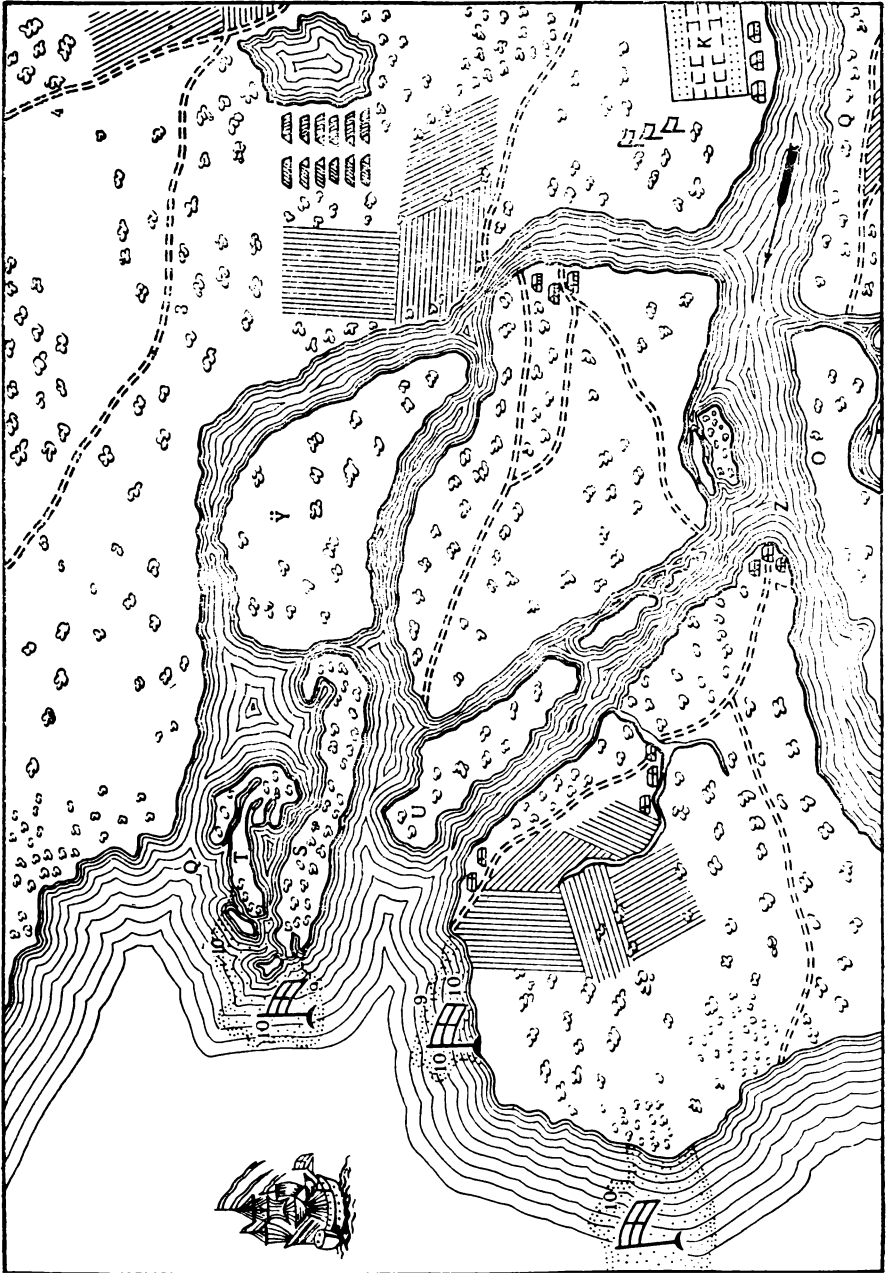
История Невской дельты, как она известна в течение трех последних столетий и как она восстанавливается для всего II тысячелетия нашей эры, существенно уточняет проблему образования островов и, в частности, тех трех островов, которые продолжают, согласно вышесказанному, Сандуй. Ведущая черта развития дельты — быстрый рост ее, связанный с продвижением все дальше и дальше в залив (к западу) и появление новых островов, увеличивающих дельту. Вследствие выноса больших масс песка реками, образующими дельту, и продвижения к западу самой дельты водная площадь Кронштадтской губы ежегодно уменьшается почти на 100 000 м², а площадь островов дельты увеличивается на 43 286 м² (за 146 лет с 1718 по 1864 г. общая площадь островов дельты возросла на 6 319 806 м²). Если допустить подобную динамику роста островов и до начала XVIII в., то окажется, что для образования всех островов дельты (38 443 036 м² в 1864 г.) тре-

буется 888,8 г. Иначе говоря, около 1000 лет тому назад (в 970-ые гг.) островов Невской дельты вообще не существовало, а вся дельта Невы лежала на 3—3,5 м ниже теперешней²⁴. Учитывая обычную последовательность процессов дельтообразования (вынос речного песка → отмели → острова → членение их массива по мере его возрастания → усложнение дельты и увеличение ее площади), следует признать очень вероятным, что к концу XV в. на месте Крестовского, Елагина и Каменного островов, которые и сейчас осознаются как некое единство (*Острова* или *Крестовские острова*), противопоставленное другим островам, был единственный остров, существенно меньшего размера и более низкий (и сейчас эти острова принадлежат к числу наиболее низких, несмотря на постоянную подсыпку земли; тем более низкими были они раньше — *Безлюдность и низких островов*), непригодный для жилья или даже для каких-либо хозяйственных построек, но используемый для сенокоса прежде всего. Возможно, в это время было уже намечено будущее тройное его деление, вызванное появлением двух «пра-протоков» — будущих Средней Невки и Крестовки; само же возникновение этого островного массива оформило сложение Малой Невки и существенное продление к западу Большой Невки. Наиболее изменяющейся и наименее освоенной была западная часть острова, все время выдвигающаяся в сторону залива за счет отложений песка (эта часть, естественно, была самой пустынной, на ней не росли деревья и кустарники, даже трава появлялась не сразу; освоение же острова человеком началось с его восточной части). Старые планы (вплоть до начала XX в.) фиксируют крайне «неспокойную», изорванную береговую линию западной оконечности Крестовского и Елагина островов (и прилегающей с севера «зубчатой» части материковой береговой линии; очертания же Каменного острова, защищенного с запада другими двумя островами, напротив, весьма стабильны и «гладки»), а гидрографические описания и лоции отмечают здесь, непосредственно, к западу большое количество песчаных отмелей, на глазах превращающихся в острова (ср. Острова Собакиной отмели, Бычий остров и т. п.). Исключительная вычурность структуры Елагина острова, где почти по всему периметру (исключение восточная часть острова) следуют цепью пруды («искусственные», как не вполне справедливо подчеркивается в описаниях острова), заставляет думать, что раньше этой конфигурации соответствовала особая «изорванность» береговой линии с цепью заливов и губ, часть которых позже была перекрыта и превращена в пруды.

Подтверждение сказанному можно найти на старых планах этой части дельты Невы (вообще эти планы хорошо отражают динамику преобразований в дельте). Особый (можно сказать, сенсационный) интерес в связи с предполагаемым Сандуем представляет карта, составленная в 1698 г. шведским полковником «от фортификации» Абрахамом Кроннортом и известная по копии 1737 г.²⁵ На этой карте очертания двух западных островов — Елагина и Крестовского — настолько отличаются не

только от их современного вида, но и от того, что нам известно по планам XVIII—XIX вв.²⁶, что создается впечатление явной ошибки или мистификации со стороны составителя карты-плана (см. карты 1 и 2). Возможно, именно поэтому позднейшие исследователи, по сути дела, игнорируют именно эту часть плана. Тем не менее, как раз она наиболее информативна и, надо думать, не уступает в точности другим его частям, не ставящимся под сомнение. Кроннорт был добросовестным, точным и профессионально подготовленным (для конца XVII в.) «картографом». Местность была ему известна хорошо и особенно т. наз. «Северный фарватер», или «Старый» (*Gamla Farten till Nyen; Norrre-Strom*, у Шварца), поскольку именно он (а не *Nya Farten till Nyen; SuderStrom*, южный фарватер, шедший от Котлина) играл главную роль в связи шведов с Пиеном. Этот «Старый» фарватер шел от устья Охты по Неве, а потом по Большой Невке мимо Каменного и Елагина островов слева (справа же по суше шла дорога на Выборг, также широко использовавшаяся шведами) и далее почти вплоть до Лахты. Очертания трех рассматриваемых островов на карте Кроннорта не должны вызывать сомнений и потому, что независимый и заметно отличающийся от этой карты план Петербурга, изданный И. Б. Хоманом в 1717 г. в Нюрнберге, дает в принципе ту же картину, которая, однако, несколько больше напоминает очертания Елагина и Крестовского островов в позднейшее время²⁷. Наконец, все сказанное раньше об истории Невской дельты, по сути дела, приготавливает к ожиданию ситуации, подобной той, что дана у Кроннорта и Хомана. Скорее придется сомневаться в достоверности слишком «сглаженных» изображений рассматриваемых здесь островов на других ранних планах Петербурга.

Позднее происхождение и «природная» (ландшафтная) выделенность предполагаемого Сандуя определили несколько особую позицию к нему и его продолжателям (Крестовским островам) со стороны населения окрестных мест. Оно определило для себя эти образования как острова по преимуществу (ср. применяемое к ним название *Острова*, тогда как «островность», например, Фомина острова /Петербургской стороны/ оказывается сильно подавленной), некое пустое, вольное пространство (ср. ряд *Вольных островов* в Невской дельте), с которым — в отличие от подлинных Вольных островов — связывались определенные интересы, но где жить не собирались²⁸. Необитаемый Сандуй мог привлечь к себе внимание или тех, кому он мешал, сужая фарватер, или тех, кто собирал здесь дары природы (заготовка сена, сбор зерновых, рыбная ловля²⁹). В частности, это место интересовало, по-видимому, жителей поселения предгородского типа в устье Охты (в конце XV в. здесь насчитывалось до 50 дворов), самого большого на территории будущего Петербурга и ориентировавшегося на развитие молочного скотоводства и тогда и потом (*С кувшином охтенка спешит. . .*). Но и существенно позже, в последние три века, выделенность островов

сохраняется — садово-парковые комплексы с дворцами и роскошными особняками, позже — гуляния, пикники, цыгане, «Русский трактир», немецкий «Кулерберг», дачи, еще позже — яхт-клубы, стадионы, санатории, дома отдыха.

Вместе с тем есть известные основания говорить и о языковой (топонимической) выделенности этих мест. Старые названия трех этих островов довольно показательны — *Kivi-saari* (Каменный), *Riisti-saari* (Крестовский), *Mistula-saari* (Елагин, ранее Мишин). Оставляя в стороне неясное финское название Елагина острова³⁰, можно констатировать ориентацию на чистую знаковую в названиях этих островов, а не на физические и природные свойства. Каменный остров вовсе не из камня и Крестовский остров не имеет форму креста. Не вдаваясь в рассмотрение ряда «народных» мотивировок этих названий, приходится согласиться с тем, что они скорее всего даны по первой примете-знаку (большой камень на восточной оконечности Каменного острова³¹; большой крест, воздвигнутый на Крестовском, возможно, там, где еще в начале века была часовня). В этом отношении указанные названия заметно отличаются от наименований других островов, прежде всего соседних. Эти последние обычно своим названием отражают некоторые природные свойства, ср. *Koivu saari* 'Березовый о-в' (Фомин), *Korpi saari* 'Лесной о-в' (или, по другому объяснению, 'Еловый'), *Witsa saari* 'Таловый о-в' (или 'Прутовый', 'Кустарниковый'), *Ивовый* (Голодай) и др.; *Pirvi saari* 'Лосиный о-в', *Jänis saari* 'Заячий о-в', *Kili saari* 'Козий о-в', *Lamma saari* 'Бараний о-в', *Kissai saari* 'Кошачий о-в', *Kala saari* 'Рыбный о-в', *Бычий о-в*, *Собакины острова* и др. (*Белый, Грязный, Круглый, Гладкий, Вольный*; от имен людей; по хозяйственно-прикладным характеристикам и т. п.). При учете иерархии островных названий (отчасти она отражается и в смене названий данного острова), когда «природное» уступает «человеческому» (от имен людей), а последнее — «административно-хозяйственному» (ср. *Березовый остров* → *Фомин остров* → *Городской остров* → *Петербургская сторона* с исчезновением детерминатива «остров»), названия Каменного и Крестовского островов с их преимущественной, «чистой» знаковой («застолбленностью» новой территории)³² могут рассматриваться как свидетельство позднего освоения (и при этом очень косвенного, поверхностного) этих островов и, вероятно, позднего их происхождения.

На этом этапе уместно перейти к названию предшественника Крестовских островов, «первоострова» *Сандую*, возникшего из *песчаной* отмели. В евете уже сказанного именно песок выступает как главная, а вначале и единственная, притом бросающаяся в глаза, характеристика островов, подобных Сандую. Со временем, когда такие острова покрываются растительностью и следами деятельности человека, появляются другие основания и мотивировки названия. Поверхностный взгляд уже не замечает песка, если только не на разрастающейся за его счет западной оконечности острова (кстати, наименее интересной для человека).

Тем самым непосредственность мотивировки («природа» → «имя») исчезает, и возникают условия для легкой замены исходного названия. В этом контексте очень много шансов, что семантическая мотивировка названия *Сандуй* могла быть связана с песчаной темой. Если остров уже в 70-ые годы XV в. носил это название, то, видимо, оно было дано ему раньше, еще до появления растительности — травы на заливноом луге, когда кроме песка на острове (или еще песчаной отмели, периодически покрываемой водою) ничего не было (кстати, в истории освоения Невской дельты нередки случаи локального, на грани топонимического и апеллятивного, применения этого определения к отмелям и возникающим из них островам — *песчаная: Песчаная /отмели/, песчаный: Песчаный /остров/*). Для тех, кто так или иначе имел дело с этим островом (точнее, знал о нем и видел его), особенно для тех, кто пользовался «Старым» фарватером (основание шведами Ландскроны в 1300 г. на месте Охты свидетельствует об актуальности этого водного пути), было в высшей степени естественно назвать его «Песчаным»³³. Два аргумента, ранее в этой связи не использовавшихся, подкрепляют это предположение. Один из них связан с тем, что северо-западное побережье Аптекарского острова носит название *Песочной набережной* (к ней ведет через весь остров *Песочная улица*). Это позднее название (XIX в.) тем не менее связано с тем, что берег Малой Невки песчаный. Именно в этом месте Аптекарский остров Песочной набережной, составляющей западную его оконечность, обращен к Крестовскому и Каменному островам, т. е. к продолжателям старого Сандуя. Другой аргумент еще более удивителен. На копии карты Кронпорта к Крестовскому и Елагину островам с запада непосредственно примыкает некая вполне четко очерченная конфигурация, обозначенная в легенде как *S a n d t grund*, т. е. *Песчаный грунт*³⁴, и предопределяющая своей формой очертания западной оконечности обоих островов в ближайшем будущем (если же обратиться к прошлому, то таким «Sandtgrund»'ом незадолго до этого была «твердая» западная часть этих островов). Таким образом, с запада и с востока Крестовские острова соседствуют не просто с песчаными местами, но и с «песчаными» названиями³⁵, а «Песчаный» остров Сандуй, действительно, из песка, как, кстати, и тот длинный уступ (бывший берег Балтийского ледникового озера, отложения Литторнинового моря), тянущийся вдоль Лиговки (а также далее на юго-запад и на северо-восток) и давший название этому городскому урочищу — *Пески*³⁶.

Как видно из предыдущего, семантика названия *Сандуй* все время была наиболее правдоподобной частью в этимологическом комплексе, связанном с этим словом, поскольку она была глубоко укоренена в некоторых свойствах денотата. Можно надеяться, что эта семантика получит подтверждение в реальных лексемах, которые легли в основу этого названия. Прежде всего напрашивается предположение о финск. *santa* 'песок' (при обычном *hiekkä*, ср. *hieta*, о мелком песке), являющемся, как известно, германиз-

мом, ср. прасканд. **sanda-*: др.-исл. *sandr* 'песок', 'песчаный берег', др.-швед. *sander*, норв., швед., англ. *sand* (др.-англ. *sānd*), др.-сакс. *sand*, др. в.-нем. *sant*, нем. *Sand* и т. п.³⁷ Вероятно, это заимствование было совершено в древности³⁸, поскольку финское слово предполагает отражение *a*-основы — **sand̄-a-z*/**sand̄-a-n*, хотя в др.-исл. уже *sandr*. Впрочем, известно и противоположное мнение, допускающее позднее скандинавское заимствование (на основании распространения слова, главным образом, в Западной Финляндии)³⁹.

Есть две основные трудности в связи с предлагаемым здесь этимологическим объяснением *Сандуй*. Одна из них лингвогеографического характера. Действительно, финское *santa* стоит одиноко среди других прибалтийско-финских языков, во-первых, и оно у себя дома (хотя квалифицируется как общезинское слово) в западных частях Финляндии (*Satakunta*, *Häme*, *Jämsä*, *Pohjanmaa* и др.), во-вторых. Именно здесь оно наиболее часто и несколько оттесняет обычное обозначение песка *hiekkä*; здесь же фиксируются и наиболее нетривиальные дериваты этой лексемы. Устранить эту трудность в настоящее время сложно, но она, возможно, приняла бы оттенок некоторой относительности при учете того, что слово отмечено все-таки не только в Западной Финляндии; что лексика восточнофинских и карельских говоров XIV в., когда (скорее всего) могло появиться *Сандуй*, практически неизвестна, и есть основания допускать в современных говорах утраты старого наследия, которые как раз и могли бы быть восстановлены по топонимическим данным; что и в существенно удаленных местах распространения карел в топонимии отмечен элемент *Sand-*, который мог быть родствен рассматриваемому (речь идет о *Сандово*, юго-западнее Вельеонска, где отмечен крупный массив карельского населения, оказавшегося здесь после Столбовского мира 1617 г.; ср. *Сандово*: финск. *santava* 'jauhoinen, murea' /напр., о картофеле/, от *santa-* 'песок'⁴⁰ (но ср. вепс. *sandal||ne* 'алый?'); есть и некоторые другие подобные названия⁴¹); что форма *Сандуй* идеально (хотя и не единственным образом) выводилась бы из карельского (олон.) **sandu* (с характерным для олонского (ливвиковского) диалекта *-u < -a*), закономерно давшего бы рус. *Сандуй* (не исключено, что исторически носители этого диалекта могли обитать в бассейне Невы); что, наконец, финноязычное название острова могло поддерживаться шведским *sand-*, непосредственная связь с которым *Сандуй* не исключена, см. далее. Указанное выше предположение (*-u < -a*) уже относится к другой трудности, связанной со словообразовательными (или даже морфологическими) проблемами. Приводимое здесь гипотетическое объяснение представляет собой лишь одно из возможных решений (теоретически можно предполагать и незасвидетельствованную финскую форму **santu/ : santa/*, ср. передачу в заимствованных словах *-a* через *-u* : *kuolu* 'школа' и т. п.⁴²); появление же *-j* (*-уй*) — более или менее обычная адаптация типа рус. диал. *елуй*, *ёлуй* 'помост для сушки рыбы' < финск. *jolu*; *холуй* 'сор,

нанос от разлива' < финск. *kalu* и т. д.; *Вехуй* при финск. *vehka*, ливв. *vehku* 'белокрыльник, *Calla palustris*', *Хобуй* при финск. *haara*, ливв. *h°/uabu* 'осина', *Канзуй* при финск. *kansa* 'народ' и т. п. Но вопрос об *-уй* в *Сандуй*, в частности, о конкретном объяснении происхождения этого аффикса, в известной степени включается в более широкую и общую перспективу. Дело в том, что в топонимике русского Севера и, между прочим, территории, на которой возник Петербург, элемент *-уй* (и связанные с ним аффиксы) играют большую роль. Обычно в *-уй* (*-ой*, *-буй*, *-бой*, реже *-ай*, *-ей*; *-уя*, *-оя*, реже *-ая*, *-ея*) видят название небольшой речки, ручья, ложбины, заполненной водой и т. п., ср. финск., карел., вепс., эст. *oja*, ливск. *voja*, саами *uoioi*, *uiai* и др.⁴³ В значительном количестве случаев это, действительно, так. Но вместе с тем обращают на себя внимание две широко распространенные группы примеров — *-уй* в топонимах, не имеющих соответствующих гидронимов того же корня с элементом *-уй*, и наличие этого же аффикса *-уй* в словах, видимо, не имеющих отношения к «водной» теме, в частности, в собственных именах людей⁴⁴. В этом смысле есть основание говорить (особенно применительно к адаптации этих названий в русскоязычной среде) о тенденции к сложению единого аффикса *-уй* (параллельно *-уя*), независимо от происхождения его в конкретных примерах, широко представленного на Севере; ср. *Пануй*, *Няеруй*, *Лындуй*, *Елгуй*, *Вешуй*, *Сулуй*, *Сямуй*, *Ялуй*, *Лавдуй*, *Макуй*, *Пикуй*, *Вехуй*, *Кадуй* и многие другие (примеры с исходом на *-буй*, *-вуй* здесь не перечисляются, поскольку они образуют более узкую и специфическую группу); примеров такого рода немало и в «Переписной окладной книге» 1500 г. (ср. *Селуй*, часто, *Кондуй*, *Камуй* и др.⁴⁵); они подкрепляются обильными примерами названий на *-уя* (*Маруя*, *Кипуя*, *Тагуя* и др.)⁴⁶ и особенно производными на *-уево* (*Алуево*, *Арбуево*, *Ахжуево*; *Бубуево*; *Валгуево*, *Валуево*, *Виллуево*, *Виллуево*, *Влагуево*; *Гавгуево*, *Гайкуево*, *Гайпуево*, *Гиликуево*; *Дуруево*; *Иганпуево*; *Кавгуевское*, *Камуево*, *Каргуево*, *Кажкуево* /*Кожкуево*/, *Керзуево*, *Керкуево*, *Койруево*, *Кувуево*, *Кургуево*, *Куткуево*, *Кутуево*; *Ликкуево*; *Матуево*, *Можкуево*, *Миккуево*, *Муруево*; *Пейпуево*, *Полгуево*, *Пидуево*, *Пискуево*, *Посуево*, *Пукуев ручей*, *Пуруево*; *Рагуево*, *Радуево*, *Рангуево*; *Сангуево*, *Сонгуево*; *Талгуево*, *Тимуево*; *Ялгуево*). Заслуживает внимания довольно резкое сокращение подобных названий там, где некогда они были основным типом обозначения поселений, в частности, в бассейне Невы (в узком смысле) и в окрестностях Ленинграда. Но в данном случае несравненно важнее отметить, что в конце XV в. на этой территории названия с аффиксом *-уево* (: *-уй*, *-уя*) господствовали, и, следовательно, наличие элемента *-уй* в *Сандуй*, каким бы ни было происхождение и суффиксальной и корневой⁴⁷ части этого слова, не может быть сколько-нибудь серьезным препятствием по существу для предлагаемого здесь объяснения. Что же касается корня слова, то возможности его объяснения из финноязычных источников должны учитываться и впредь.

Но к загадке названия *Sanduy* можно подойти и с другой стороны, на что уже намекалось выше. При этом отпадают многие из описанных ранее трудностей и по-новому вырисовывается значение шведского этноязыкового элемента в истории освоения именно этой части невской дельты. Хотя нет оснований сомневаться, что *Sanduy* имело соответствие в языке финского населения этих мест и даже, возможно, понималось как «финский» элемент, само это финноязычное название (как, естественно, и русское) с большим вероятием объясняется непосредственно из шведского обозначения этого «песчаного» острова. В таком случае проще всего исходить из швед. *sand-ö* 'песчаный остров' (ср. обозначение этого же места швед. *sandbank* 'песчаная отмель'), давшего название острову — **Sand-ö*, из которого легко объясняется и рус. *Sanduy* (это соображение было высказано О. Н. Трубачевым, которому автор признателен за внимание к поднятой здесь проблеме, и Т. В. Топоровой)⁴⁸. В пользу этого предположения свидетельствуют и исторические факты. В шведское время на берегу Б. Невки (в зап. части финской дер. Ликанова / = Старая деревня/, приблизительно там, где позже возникло лесопильное производство), т. е. против западной оконечности Сандуя (точнее — сев. его части, будущего Елагина о-ва), находился дом шведского таможенного досмотрщика, около которого останавливались для освидетельствования все суда, следовавшие по «Старому» фарватеру и входившие в устье Б. Невки. Эти обстоятельства делают правдоподобным обозначение соседнего острова, ограничивающего фарватер с юга, шведским словом.

Примечания

- ¹ О понятии «степени топонимичности» см.: *Топоров В. Н.* Из области теоретической топонимистики. — ВЯ 1962, № 6, 3—12.
- ² В качестве введения в топонимическую проблематику этой территории см.: *Попов А. И.* Следы времен минувших. Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л., 1981.
- ³ Помимо классических исследований А. А. Иностранцева, С. А. Яковлева, М. Э. Янишевского, К. К. Маркова и др., о геологической истории места, на котором находится Ленинград, в частности, в связи с ролью в ней вод, см.: *Кузнецов С. С.* Геологическое прошлое Ленинграда и его окрестностей. Л., 1955; *Нежиловский Р. А.* Река Нева и Невская губа. Л., 1981; Ленинград: Историко-географический атлас. М., 1981, 46—59 и др. Несколько иной аспект затронут в кн.: *Пясковский Р. В., Померанец К. С.* Наводнения. Л., 1982.
- ⁴ Ср. характерные формулировки типа «Ленинград расположен на дне недавних морей» (название главы из книги С. С. Кузнецова о геологическом прошлом города) или еще более многочисленные образы (причем бытующие и в литературе научного характера) типа «город возник со дна морского, из моря» и т. п., перекликающиеся с поэтическими видениями «повторений» этого первособытия — *И всплыл Петрополь, как Тритон, | По пояс в воду погружен. . .*
- ⁵ Ср. в стихотворении М. А. Дмитриева «Подводный город» (1847 г.) о навсегда затопленном водами Петербурга: *Мальчик слушал, робко глядя, | Страшно делалось ему: | «А какое ж и м я, дядя, | Было городу тому?» | «Имя было? Да чужое, | Позабывтое давно, | Оттого что не родное — | И не памятно оно».*

- 6 Тема имени Петербурга и его частных именовании важна не только в топонимическом плане. К сожалению, она остается практически не исследованной.
- 7 «Река Нева в геологическом отношении крайне молодая река» (Очерки истории Ленинграда. Т. 1. М.; Л., 1955, 13); «Нева и ее дельта . . . сформировались сравнительно недавно. . . Таким образом, Нева — молодая река» (*Нежиковский Р. А.* Указ. соч., 25); «. . . местность, где расположен Петербург, устье или дельта красавицы Невы, тоже не слишком раннего происхождения. . . этим. . . как бы подчеркивается сравнительно новое происхождение Невы» (*Столянский И. И.* Петербург. Как возник, основался и рос Санкт-Петербурх. Пб., 1918, 10—11) и др.
- 8 Некоторые исследователи говорят о «страшных геологических катастрофах, происходивших на берегах Балтийского моря в VIII—XII веках» (*Столянский И. И.* Указ. соч., 11) и видят их отражение в новгородских летописных сообщениях. 2-я Новгородская летопись под 1176 г. отмечает, что Волхов в это лето в течение пяти дней шел «на взвод», т. е. вспять. Скорее всего это могло быть связано с явлениями тектонического происхождения, о которых также не раз сообщается в этой же летописи (1230 г.: *тресеся земля по Велицѣ дни въ пятокѣ. . . ; 1107 г.: стресеся земля мѣсяца февраля въ 5 день* и др.). — В этом контексте любопытны описания течения Невы в «Книге Большому Чертежу». Ср.: *А из Котлина озера вытекла река Нева и пала в Ладожское озеро. . . ; в Нево озеро от западу пала река Нева, течет из Котлина озера, пала против Орешка, протоку 40 верст* (см. Книга Большому Чертежу. Подготовка к печати и редакция К. Н. Сербинной. М.; Л., 1950, 153, 156). Показательно и обозначение восточной мелководной части Финского залива как *Котлино озеро*.
- 9 В этом отношении Нева подобна Невскому проспекту до 12 часов, когда он «не составляет ни для кого цели, он служит только средством: он постепенно наполняется лицами, имеющими свои занятия, свои заботы, свои досады, но вовсе не думающими о нем» (Гоголь).
- 10 См.: *Нежиковский Р. А.* Указ. соч., 7.
- 11 Лишь несколько данных, относящихся к соотношению Невы и окружающих рек, составляющих ее бассейн. Площадь всего бассейна Невы — 281 000 км², а площадь собственного бассейна Невы — 5000 км² (т. е. 1/56 часть всего бассейна — 1,8 %), тогда как «неключевые» реки бассейна Невы имеют существенно большую площадь: Свирь — 84 000 км², Волхов — 80 200 км², Вуокса — 68 700 км² и т. п. Водосбор Невы составляет лишь 2 % всего водосбора бассейна. В Неву впадает только 26 притоков, тогда как в бассейне Невы насчитывается 60 000 рек; но и эти притоки или очень незначительны (обычно типа ручьев), или, в случае их относительно большой длины (ср.: Тосна — 121 км, Мга — 93 км, Охта — 90 км, притом что длина Невы — 74 км), они стали притоками Невы лишь после ее образования. И Тосна, и Мга, и Охта существовали до появления Невы; более того, Тосна и Мга задолго до этого выработали долину для будущей Невы. На долю Невы досталась лишь дальнейшая разработка русла в уже подготовленной долине. Все эти (как и многие другие) данные принадлежат к числу уникальных соотношений и свидетельствуют, по меньшей мере, как об отмеченности Невы в ее настоящем, так и о бесспорной нестандартности, более того — исключительности ее в прошлом.
- 12 Ср. в Первой Новгородской летописи: . . . *и стаща в Певѣ устье Ижеры. . . идуць къ Ладозѣ* (Спн. спис., 1240 г.; ср. *стоявшие въ Неве. . .* Там же, 1228) или в проекте договорной грамоты Новгорода с Любеком и Готским берегом о торговле (1269 г., ранее 1-го апреля): . . . *подтвердил. . . старый мир о пути по Неве за Котлингом от Готского берега и обратно. . . А придет гость на Неву. . . а лоцману, нанятому на проезд вниз по Неве и обратно вверх. . . Кто приехал по Неве, тому и обратно ехать по Неве. . .* (См. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949, 58—59, 61; в соответствии с: . . . *dhen olden vredhe to dher Nu*

wart . . . unde dhe lodienman dhe gew/u/nnen is to ter Nu unde wedher up. . . So we bi dher Ny comet, dhe shal bi dher Ny weder waren. . . Ср. дальнейшие упоминания Невы там же, 63 (1301 г.), 68, 72, 75, 80, 82, 89, 101, 103, 111. Нева упоминается и в тексте «Жития Александра Невского», составленного также в XIII в.

¹³ Сходную мотивировку в названии Ладоги видит и Миккола — **Alodejoki*, от *alode*, *aloe* 'низменное место', см. Фасмер II, 448.

¹⁴ Впрочем, роль шведского (и немецкого) мирного проникновения в эти районы не учитывается в достаточно полной мере и для более позднего времени. В этом отношении стоит обратить внимание на ситуацию, расценяемую упомянутым уже проектом договорной грамоты 1269 г. (т. е. задолго до основания Ландскроны) как типовую: *A отправится немец или гот гостить в Корелу и учинится ему что, Новгороду дела до того нет* (*So welic Dhudische ofte Gote veret copfart to dhen Crelen. . .*), 59, или на культурную и хозяйственную роль Ниена (Ниеншанца) в XVII в., как она высказывается, например, в сочинении: *Bonsdorff C. von. Nyen och Nyenskans. — Acta Societatis Scientiarum Fennicae 1891, t. XVIII, 349—504* (см. и рецензию — ЖМНП 1892, № 5, 172—181). Ср. также: *Гиппинг А. И. Нева и Ниеншанц. 1—2*. СПб., 1909 (посмертное издание труда, первая часть которого появилась на шведском языке еще в 1836 г.); Сборник документов, касающихся Невы и Ниеншанца. Приложение к труду А. И. Гиппинга «Нева и Ниеншанц». С предварительной заметкой А. С. Лаппо-Данилевского. Пг., 1916 и др. Важный шведский источник — «Большая рифмованная хроника (*Stora Rimchronica*)» — опубликована в *Scriptores rerum Suecicarum medii aevi* (Т. I. Uppsala, 1818).

¹⁵ Любопытно, что даже в современном Ленинграде не менее 10 островов именуются *Безымянными* (девять из них находятся в северной части невской дельты и лишь один в южной). См.: *Горбачевич К., Хабло Е. Почему так названы? Л.*, 1975, 517. В прошлом это название охватывало и ряд других островов. Не менее интересно, что из 42 островов Невской дельты в настоящее время лишь 29 имеют названия, а в обиходе известны названия не более 10—12 островов.

¹⁶ Мена названий одного и того же местного объекта в старых и новых документах, как и данные собирательской практики, позволяют выявить схему ответов информанта на вопросы (с известным пристращением — «а в с е т а к и как называется. . .?») собирателя названий: никак не называется (напр., некая речка) → без имени → безымянная → *Безымянная речка* → *Черная речка* → *Чернавка* и т. п. Как можно видеть, этапы «продвижения» информанта по пути «вынужденной» топонимизации в основном воспроизводят набор типов указанных примитивных примеров топонимизации, в которых грань между именем и аpellативом нередко почти неуловима.

¹⁷ В этом отношении особенно интересны данные, относящиеся к распределению наиболее частых названий. К их числу принадлежат топонимы с корнем *Черн-* (в собрании водных названий Ленинградской области перечислено около 180 примеров, см. *Шанько Д. Ф. Реки и леса Ленинградской области. Л.*, 1929, 633—635; при этом известно, что ряд старых *Черных речек* позже получил другие наименования; некоторые данные могут быть извлечены из старых документов, ср.: *Tzornoï Rutzei Öde, Thornora|ia| Öde, Sarnay eller Mustilla / карел., финск. musta 'черный'*, *Sornay eller Rodinofzina* и др., см.: *Jordeböcker öfver Ingermanland. Т. 1. СПб.*, 1862, отд. 1, 95, 112, 124, 137; отд. 2, 211. Несколько рек с подобным названием отмечено в истории Петербурга и его непосредственно к нему прилегающих окрестностей. Помимо ныне существующих под своими названиями *Черной речки* (п. п. Б. Невки, в Новой Деревне), *Черной речки* или *Черной* (п. п. Охты, ниже Жерновки), *Черной* (басс. Невской губы, с севера), названия *Черная* или *Черная речка* носили Смоленка, Екатерингофка, Волковка, Монастырка; п. п. Б. Охты, ныне не существующий (в самом низовье рядом с Охтинской копторой и богадельней; см. Планы С. Петербурга в 1700, 1705, 1725, 1738, 1756, 1777, 1799, 1840 и 1849 годах.

- Сост. Н. Цыловым. СПб., 1853, план 1738 г.: *Чернавка*), и даже, по одному свидетельству, Оккервиль, л. п. Охты, т. е. около десятка речек. Можно с уверенностью сказать, что были и другие речки и ручьи с этим именем (их следует, в частности, предполагать среди тех нанесенных на старые планы водных объектов, названия которых остались неизвестными). Более того, каждая маленькая «новая» (т. е. с незакрепленным за нею названием) речка на большей части территории Петербурга была, по сути дела, *Черной речкой*. В старых описаниях Петербурга нередко отмечалось, что протоки с болотной, торфяной, застойной водой обычно назывались *Черными*. И, тем не менее, если положить петербургские *Черные речки* на план, то оказывается, что они расположены в отчетливо р а з л и ч н ы х частях города: Новая Деревня, Б. Охта, Васильевский остров, Нарвская часть, Каретная часть. Именно эти речки дольше всего сохраняли свое название (*Черная*) и в отдельных случаях даже сохранили его до наших дней. В каждом из отмеченных районов своя *Черная речка* была в и е конкуренции и строго соотносилась с конкретным и определенным объектом; о других *Черных речках* можно было вообще не знать или слышать об их существовании лишь в общем: они не были актуальны за пределами их собственного «микрорайона» и, следовательно, не вносили никакой двусмысленности.
- 18 См.: Переписная Окладная книга по Новугороду Вотьской пятины 7008 года. — Временник Императорского Московского Общества истории и древностей Российских. Кн. 11. М., 1851. Эта книга в известной мере отражает утраченную переписную книгу несколько более раннего времени (2-я полов. XV в.).
- 19 С припиской: *Отдана тому ж Одинцу с товарищи с пруды и с колы и с тоньями*.
- 20 Подобная предосторожность не должна считаться излишней, учитывая попытку «вынесения» в море даже Фомина острова, предпринятую Гиппингом, допускавшим, что Фомина остров «Окладной книги» — Котлин. «Я не смею однако положительно утверждать, было ли село Фомино именно там, где ныне Кронштадт, хотя это весьма правдоподобно, ибо ясно говорится, что село находилось на взморье и было хорошо населено; этого нельзя приписать никакому другому из близ лежащих к Петербургу островов» (см. *Гиппинг А. И.* Нева и Нияншанц, 187—188). Предположение Гиппинга опровергается рядом фактов и, в частности, указанием шведской «Писцовой книги Ижорской земли» 1640 г., где среди мест, входящих в Спасский погост, отмечено — *Phomin Ostroff eller Koufjuiesari*, т. е. Березовый остров (теперешняя Петербургская сторона). См. *Jordeböcker*, 214.
- 21 Предположение о том, что Сандуй — соединенные три острова (Каменный, Елагин и Крестовский), было высказано еще ранее (см.: *Столянский П. Н.* Петербург, 15), но оно практически не было аргументировано.
- 22 Гутуевский остров (или, точнее, то, что ему предшествовало в конце XV в.) должен быть сразу снят со счетов. Во-первых, эти места принадлежали Ижорскому (а не Спасскому) погосту; во-вторых, восстанавливаемый путь от устья Охты к Фомину острову и далее никак не мог привести к Гутуевскому острову; в-третьих, иметь свои угодья здесь для жителей Охты было бы в высшей степени нецелесообразно.
- 23 Неупоминание в «Переписной книге» 1500 г. других островов (в частности, Заячьего, Петровского, Аптекарского) объясняли или отсутствием на них каких бы то ни было хозяйственных угодий ввиду их крайней низменности, или тем, что к этому времени еще не возникли Карповка, Ждановка, Крестовка, Средняя Невка и др.
- 24 См. подробнее: *Кузнецов С. С.* Указ. соч., 22 и сл. и др. Интересны данные о приросте площади островов на месте Сандуя: Крестовский — 2 800 480 м² в 1718 г.; 3 575 083 м² в 1911 г.; Елагин соответственно — 706 560 м²: 929 641 м². Менее достоверны заключения о структуре Невской дельты, сделанные на основании увеличения числа островов в ней (1676—1700 гг. — 24 острова; 1705—1706 гг. — 31; 1777 г. — 48; 1848 г. — 80; 1880—1881 гг. — более 100). Результаты деятельности человека привели к тому, что к 1975 г. число островов сократилось до 42. Но общие тенденции в развитии дельты, естественно, сохраняются. Они фиксируются не только науч.

- ными измерениями, но и «на глазок»: «Удаление моря от северных берегов, с давних пор замеченное, и здесь следует общим законам . . . Нет сомнения, что со временем образуются новые острова на прибрежных оконечностях Санкт-Петербурга, окруженных высокими отмелями, и северная столица наша чрез несколько веков, может быть, шагнет далее в залив», — писал полтораэта лет назад историк Петербурга А. П. Башуцкий (Панорама Санкт-Петербурга. Кн. 1. СПб., 1834, 45). — В миниатюре некоторые из указанных изменений доступны непосредственно наблюдению, если оно ведется в течение относительно длительного времени (ср. динамику роста и изменение характера отмели островка на Малой Невке под Б. Петровским мостом и некоторых других подобных объектов).
- ²⁵ В копии карта озаглавлена «Nie Stadt mit der Gegend auf 2 Stunden». Копия сопровождается разъяснением: «Dieser Plan habe von einen Alten Schwedischen Riss mit seine Situation und farben Gantz Accurat Nach Couperiet St. Peters-bourg. Año 1737 den 19 Januarj C. G. Schwarz». См.: Jordeböcker, карта и комментарии к ней в конце книги.
- ²⁶ Впрочем, внимательное изучение очертаний Елагина острова на планах 1700 и 1725 гг. (опубликованы Цыловым) позволяет увидеть некоторую преемственность с изображением острова у Крониорта (ср. глубокую «пазуху» типа фиорда на юге острова и почти припаянный к Елагину продолговатый островок с севера). Еще в большей степени сказанное относится к плану Петербурга 1716—1718 гг., изданному в Амстердаме географом Р. Оттенсом: Елагин остров, особенно его западная часть, характеризуется очень изрезанной береговой линией; к тому же к нему и к Крестовскому острову непосредственно с запада примыкает большая и четко очерченная песчаная отмель.
- ²⁷ См.: Topographische Vorstellung der Neuen Russischen Haupt Residenz und See-Stadt S. Petersburg, . . . hrsg. von Joh Baptist Homan. Nürnberg, 1717 (этот план воспроизведен — весьма плохо — в кн.: Очерки истории Ленинграда. Т. 1, между 128 и 129 стр.).
- ²⁸ Крестовские острова действительно принадлежали (строго говоря, и принадлежат) к числу минимально заселенных мест Петербурга. И когда здесь начали селиться, то жили сезонно, в летних резиденциях, на дачах. Ситуация начала медленно изменяться с начала XX в., и жилое освоение Крестовского (и в очень малой степени Каменного) острова шло и пока ограничилось очень небольшой крайней восточной частью.
- ²⁹ От финского рыболова, который бросал в неведомые воды | Свой ветхий невод, до рыбаков гведичевской идиллии («Рыбаки»), промышленников от Строгановой дачи до взморья и живших летом в шалаше, видимо, на Крестовском острове.
- ³⁰ Впрочем, финское название этого острова дается в разных вариантах: *Mistula saari* (Эльдбуг, 1701), *Mitsala Saari* (на карте Бергенгейма, 1675), *Mustila Saari* (на чертеже Блассинга, явно от финск. *musta* 'черный'); ср. швед. *Mustilla*, *Mustila åd*, *Mustila gård*, *Mustilla Hoff och åd*, *Mustilla Krog*, *Mustola*, *Mustula* (*Müstula*, ср. финск. *Mistula*) на старых картах. См.: Ланно-Данилевский А. С. Указ. соч., 19 и др.
- ³¹ Ср. неподалеку, на месте Старой Деревни, *Kivanity-by*, т. е. 'Каменн а деревня', шведское название, заимствованное из финского (ср. *Kivinenä*). Ср. описание этого места: «Остальное за тем место по правой стороне реки Невы [=Б. Невки. — В. Т.] было пустое, усеянное камнями гранитной породы, поросшее лесами, изрезанное топкими болотами (см. Адрес-календарь санктпетербургских жителей, сост. К. Нистромом. Т. 1. СПб., 1844, 8). Та же деревня носила и русское название — *Усканова* (= *Усканова*?). Соседняя деревня называлась *Likanova* (ср. финск. *lika* 'грязь', *likainen* 'грязный').
- ³² Уместно напомнить, что в XVIII в. названия этих островов «топонимически» застояблили их владельцы: *Шафиров о-в*, *Ягужинский о-в*, *Мельгунов о-в*, *Елагин о-в* (Елагин); *Остров Св. Патальи* (остров был подарен сестре Петра I Паталье), *Христофоров о-в*, ср. почти топонимические обозначения, встречающиеся в XVIII в., *Остров Разумовского*, *Остров Бело-*

сельского-Белозерского (Крестовский о-в); ср. Остров Головкина, Остров Бестужева(Рюмина) — о Каменном о-ве.

- ³³ Роль песка была отмеченной для жителей той территории, на которой возник Петербург. Песок противопоставлялся болоту, мху, даже заболоченным глинам, зыби (на шведских планах XVII в. многие земельные владения на этой территории носят названия «Зыбкая земля»; даже современные улицы города отражают, чаще опосредствованно, подобную ситуацию; ср. названия улиц: *Болотная, Торфяная, Моховая* /речь идет не об улице, параллельной Литейному проспекту, бывшей *Хамовой*/, *Глиняная* и др.; ср. название урочища *Мокруши* и т. п.). Вместе с тем песок отличали и от т в е р д о й почвы, основы (ср. финск. *perus* в этом значении, давнее название части города между Мойкой и Фонтанкой, бывш. Казанская и Спасская части, *Перузина, Perusina*, на карте Бергенгейма *Perukka Saari /perukka* 'отдаленное место' /; ср. также *Peruiskina* на чертеже Блассинга; эта форма объясняет название Парвушной мызы — *Parvushinna-hof*, обычно неправильно объясняемой из русского; можно напомнить, что именно здесь, на твердом грунте, находилось шведское поместье; позже на этом месте был построен Летний дворец Петра I). Иначе говоря, песок был чем-то промежуточным: он еще не основа, но зато ресурс для будущего, то, за счет чего растет дельта, растут острова, растет будущая основа. «Строить на песке» — для Петербурга было не худшим выходом (ср.: *Деревня на песках*, см. Переписная окладная книга, 54).
- ³⁴ Ср. обозначение *Sand bank* на карте начала XVIII в., см.: Hydrografisk Karta öfver Neva-Strömmen allt ifrån Nyenska Redden i Salt-Sjön till Nöteborgs Redd i Ladoga-Sjön. . . 1701 af Carl Eldbergh, 10 а.
- ³⁵ Тема песка в связи с Островами отозвалась и в блоковском *И хруст песка и хруп копя*. . . («На Островах»).
- ³⁶ Можно показать связь «песчаных» топонимов с этим песчаным уступом и образованиями подобного типа. См. отражение «песочной» темы в топонимии: Административно-территориальное деление Ленинградской области. Л., 1973, 141 и др.
- ³⁷ См.: *Toivonen Y. H. Suomen kielen etymologinen sanakirja*. IV. Helsinki, 1969, 967.
- ³⁸ Между прочим, с финским его разделяют и саамские диалекты — *sallie, säddee, saddo, satto* и др. (см. *Toivonen Y. H. Op. cit.*, IV, 967).
- ³⁹ См.: *Setälä E. M. Bibliografisches Verzeichnis der in der Literatur behandelten älteren Germanischen Bestandteile in den Ostseefinnischen Sprachen*. — FUF 1913, XIII, 449.
- ⁴⁰ Характерно при этом, что собственное слово для песка здесь утрачено. Ср. показательный в связи с темой рассыпчатости, крупичатости, «песчанности» (финск. *santava*, см. выше) контекст из говора упомянутых карелов: *p e s k u l' iäl' ä on valgie, kuin vehnäie jawho l' ibo lumi* 'песок здесь белый, как пшеничная мука или снег'. См.: *Макаров Г. П. Образцы карельской речи*. М.; Л., 1963, 175.
- ⁴¹ Напротив, нередкие топонимы типа *Сандела, Сандольский, Сандало, Сондал, Сондала* и др.; *Sandala, Sandal, Sandau* и т. п. (см. *Шанько Д. Ф.* Указ. соч., 624, 627; Административно-территориальное деление, 140; *Nissilä V. Die Dorfnamen des alten lüdischen Gebietes*. Helsinki, 1967, 71—72 [=MSFOu. 199] и др.) могут объясняться и иначе (ср., напр., финск. *santalo, santelo*, соответствующие карельские формы, саами *san'del, san'der* заимств./ и т. п., о которых см. подробнее: *Toivonen Y. H. Op. cit.* IV, 967). Впрочем, имеющиеся этимологические версии противоречивы. — В связи с *san'der* и под. ср. *Sunderitza* на одной из старых шведских карт Невы, ср. в Сандалакши. Повгор. берест. грам. N 403.
- ⁴² *Хакулинен Л.* Развитие и структура финского языка. 1. М., 1953, 161.
- ⁴³ См.: *Матвеев А. К.* Происхождение основных пластов субстратной топонимии русского Севера. — ВЯ 1969, № 5, 43 и сл.; *Субботина Л. А.* Географический термин *бой* и его варианты в субстратной топонимии Белозерья. — В кн.: Этимологические исследования. Вып. 3. Свердловск, 1984, 98—118 и др.

- ⁴⁴ Ср.: сын его *Тимуй*; *Микуй Симонов* и др. (Переписная окладная книга, 311, 333), *Алуй*, *Гадуй* и др.
- ⁴⁵ Во многих случаях (тип на *Лауе*) различение *-уй* и *-уя* затруднено.
- ⁴⁶ Ср. *Палуя*, *Лелуя*, *Маруя*, *Кипуя*, *Кильмуя*, *Кивея* при *Кукуй*, *Сорзуй*, см. Административно-территориальное деление, s. v.
- ⁴⁷ Е. А. Хелимский, которому автор этой статьи глубоко признателен за консультацию по истолкованию финноязычных фактов, предлагает рассмотреть возможность объяснения *Сандуй* в связи с производными от прафинск. **sa-* (финск. *saada* 'получать'); ср. карел. *šuanata*, *šoanda*, олон. *voandu*, *suandu* 'получение, добыча' и т. п.; финск. *saanla*, *saanti*, *saanto*; людик. *suand*, *suond*; венг. *sand*, *sandus* и т. п.
- ⁴⁸ Можно высказать предположение, что исходной формой могло быть швед. диал. *Sand-ey(öy)* с сохранившимся дифтонгом. Во всяком случае, несмотря на прошедшую еще в X—XII вв. монофтонгизацию древних дифтонгов, они до сих пор сохраняются в некоторых говорах сев. и вост. Швеции, на Готланде и (что, может быть, особенно показательно) в шведских говорах Финляндии (ср. также норв. *øy* и т. п. при др.-исл. *ey*). См.: *Стеблин-Каменский М. И.* История скандинавских языков. М.; Л., 1953, 132. Если это предположение верно, то *Сандуй* почти идеально точно отражает швед. диал. *Sand-ey(öy)* и/или промежуточную финноязычную форму (ср., кстати, финск. *o*, заимств.). Для понимания формирования острова Сандуя, возможно, могут быть использованы значения швед. *ö*, уцелевшие в старых текстах и говорах ('низменная полоска /вытянутая в длину/ у воды', 'пойменный луг').

Г. Ф. Одинцов

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ С ОБОБЩЕННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ 'ОРУЖИЕ' В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Названия отдельных конкретных видов древнерусского оружия всегда интересовали не только языковедов, занимающихся исследованием лексики, но и археологов, историков культуры, литературоведов, оружейников, этнографов, фольклористов. Совсем иначе обстоит дело со словами, имеющими обобщенное значение 'оружие', непосредственно не связанными с миром вещей и представляющими интерес почти исключительно для историков лексики. По этой причине задача историко-лексикологического описания таких слов приобретает особую трудность. Кроме того, при своей непосредственной несвязанности с материальным миром вещей, такие слова очень показательны в плане выявления отдельных сторон духовной жизни в истории народа, его духовных контактов с другими народами и культурами.

Уже с самого начала письменной истории русского языка в текстах засвидетельствовано слово *оружие* (в разных графических вариантах — *орѣжше*, *ороужіе*, *орѣжше*, *ороужье*) — термин балто-славянского происхождения (ср. лит. *āpranga* 'снаряжение'¹): Нѣсть ороужиа ратьнааго. Изб. 1073 г.; Красота воину ороужіе и кораблѣ вѣтрила. Сбор. 1076 г. 2 (Срезневский II, 709).

В этих и подобных контекстах слово *оружие* выступает в значении 'вооружение, оружие', реже 'доспех', ср.: Мзи са доиска-